

ГЛАВА 1

Ранним утром старший оперуполномоченный Главка угрозыска полковник Лев Гуров вошел в свой рабочий кабинет и прямо с порога услышал звонок городского телефона, стоящего на его столе. По пути открыв форточку, чтобы проветрить застоявшуюся за ночь атмосферу служебного помещения, принадлежащего им со Станиславом Крячко — тоже оперуполномоченным Главка и тоже в звании полковника, Гуров подошел к столу и поднял трубку. Обронив нейтральное «Да?», он услышал хорошо знакомый хрипловатый, чуть дребезжащий голос своего давнего информатора, отставного вора Константина Бородкина по кличке Амбар.

— Дык, это, с добрым утречком вас, Левваныч! — с оттенком грубоватой любезности человека, хоть и подчиненного, но знающего себе цену, поприветствовал тот. — Я че вас побеспокоить-то надумал? Тут такое дело, думается мне, заковыристое. Вчера у меня

в гостях были домушник Кастет и фармазон Твист. Он месяц как откинулся с зоны и все никак не нашикуется своими паханскими наколками — его какие-то пиковые в законники произвели. Вот, значит, они и надумали перекинуться в картишки...

Как далее поведал Амбар, резались его гости и в двадцать одно, и в железку, и в бую. Сначала — ни на что. Потом надумали сыграть по мелочишке: ставка — рубль. Но, постепенно разойдясь, парни ставки начали повышать. Играли с успехом переменным. То Кастет срывал ставку за ставкой, то Твист вырывался вперед. Однако когда ставки взлетели «выше крыши», опытный картежник Твист, прошедший в ходе трех отсидок настоящую шулерски-воровскую «академию», единым махом сорвал банк.

Казалось бы, игра на этом должна была бы завершиться. Но вошедший в азарт Кастет неожиданно для всех достал из кармана и бросил на стол чайную ложечку, судя по оттенку и звону металла, сработанную из чистого золота. И как сработанную!

— ...Левваныч, такой хреновины я сроду не видывал! — истово заверил Бородин. — Прямо как из царского дворца. Чтоб я сдох! Ох, и красивая! Рыжье-то, по-моему, червонное. Все мужики охренели. Сразу к Кастету: колись, где взял! А он только гыгыкает: вроде того, где взял — там уж нет!

У самого Твиста при виде такой роскошной диковины сразу же отвисла челюсть, а глаза стали как две пятирублевки. Но он быстро собрался и с ходу выиграл драгоценность у лошары Кастета. Донельзя расстроившийся домушник, осушив стакан первача без закуски, быстро куда-то исчез. Впрочем, очень быстро «свалил» и Твист, как видно, впечатлившись алчными, завистливыми взглядами некоторых своих коллег по криминальному ремеслу.

— ...Я так смекаю, Левваныч, — завершая свое повествование, добавил Борродкин, — где-то какой-то музей пощипал Кастет. В наших ювелирках такое не сыскать!..

Высоко оценив полученную информацию и пообещав, что «за ним не заржавеет», Лев положил трубку. В этот момент, напевая нечто лирически-эпическое, на пороге появился Станислав Крячко, его старый друг и приятель. Просияв своей неизменной улыбкой «на все тридцать два», он указал вопросительным взглядом на телефон и хитро подмигнул.

— Мария очередное ЦУ давала? — бодро и в то же время с некоторой зевотцой поинтересовался он, намекая на вчерашний звонок спутницы жизни Гурова Марии Строевой — ведущей актрисы самого знаменитого столичного театра.

Той и в самом деле с чего-то вдруг приспичило позвонить Льву в довольно-таки неподходящий момент, чтобы выдать ему «ценное указание» — поздравить с юбилеем дальних родственников в Липецке. Произошло это на планерке у их начальника и общего приятеля генерал-лейтенанта Орлова. И хотя Гуров, ощутив в кармане дребезжание вибровызова, сразу же сориентировался и, шепнув жене, что в данную минуту крайне занят, немедленно отключил телефон, в его сторону из начальственных очей исторглись две молнии недовольства выше среднего вольтажа.

— Нет, не Мария, — мгновенно уловив оттенок подначки в словах приятеля, невозмутимо извещил Лев, опускаясь на свой стул. — Звонил некто Бородин по прозвищу Амбар.

Он в общих чертах рассказал об услышанном. Впрочем, на его собеседника эта информация особенного впечатления не произвела. Неопределенно пожав плечами, Крячко скучающе поморщился.

— Ну, раз он домушник, то, скорее всего, распотрошил чью-нибудь частную коллекцию, — резюмировал тот. — Надо просмотреть сводки за прошедшую неделю — скорее всего, где-нибудь да вынырнет.

— Это если коллекция «белая», — несогласно качнув головой, возразил Гуров. —

А если «черная», то заявление могут и не подать.

— Могут и не подать... — все так же скучающе согласился Станислав, садясь на свое место и включая компьютер. — Но мне в любом случае эта «кража века» до фонаря, поскольку минимум до сегодняшнего вечера буду возиться с кончиной Торканова.

— Ну и чего ты там накопал? — спросил Лев, просматривая на экране монитора городские и областные сводки по квартирным кражам за последнюю неделю.

— Да сам он виноват! — категоричным тоном пояснил Крячко, энергично мотнув рукой.

Дня три назад в результате падения с большой высоты одноместного легкомоторного самолета разбился насмерть пилотировавший его владелец компании пассажирских авиаперевозок «УМ» («Успешный маршрут») Иннокентий Торканов. Наверное, его пикирующий «Аэромустанг» еще не долетел до земли, а либеральные СМИ уже слаженно и слитно заголосили о том, что это якобы «происки близких к власти рейдеров», вознамерившихся захватить «УМ», которые таким зверским способом расправились с его владельцем. Но Станислав, одним из главных достоинств которого была «бульдозерная» настырность, перенастырить которую едва ли кому было дано, игнорируя дезинформа-

ционную свистопляску, всего за три дня смог выяснить все обстоятельства дела и установить истинные причины авиационного происшествия.

Как оказалось, отправляясь в полет, Торканов пребывал во взвинченном состоянии из-за ссоры со своей любовницей (ох уж эти бабы-женщины, не сосчитать, сколько за историю человечества мужчин они погубили и сколько еще погубят?!). Той надоело ждать уже давно обещанного Иннокентием развода с его законной (третьей по счету!) женой, дабы могли соединиться «любящие сердца». И вот девица, в целях ускорения этого процесса, объявила своему «чичероне» о том, что уходит от него к другому. Пусть и не столь богатому, зато не обремененному семьей и готовому — хоть сегодня! — на ней жениться. Впавший в крайнюю нервозность авиамагнат решил снять бытовой стресс, пережив стресс экстрима. Он отправился в полет на своем самолетике, на котором уже не раз отрабатывал высший пилотаж над персональным аэродромом.

Трудно сказать, кто это ему посоветовал (или он до подобной глупости додумался сам), но перед самым вылетом Торканов употребил лошадиную дозу успокоительных таблеток. Поэтому, вполне удачно выписав несколько фигур высшего пилотажа — «горку», «бочку», «горизонтальный нож» и дру-

гие, — он надумал выполнить «мертвую петлю» Нестерова. Однако в силу тормозящего действия принятых пилуль, снизивших его реакцию, в какой-то миг он потерял власть над самолетом и, сорвавшись в последнюю фигуру под названием «штопор», в течение считанных секунд врезался в аэродром. Исходя из этого, Станислав сделал закономерный вывод о том, что данное происшествие следует квалифицировать как несчастный случай и уже начатое было уголовное производство можно прекратить.

— Молодец! Хорошо поработал, — Гуров одобрительно кивнул. — Интересно, как тебе удалось выйти на любовницу Торканова? Он же вроде слыл примерным семьянином. Во всяком случае, старательно создавал такую видимость.

— Слыл да сплыл! — Крячко язвительно ухмыльнулся. — Секретарша его «раскололась». Она знала, с кем, где и когда встречается ее босс. Как я понял, ей самой хотелось бы вписаться в эту роль, но он ее категорически игнорировал — надо же было корчить из себя честняка-семьянина! Чем, кстати, ее очень огорчил и даже уязвил. Хотя... Деваха, я скажу тебе, классная! — Мечтательно зажмурившись, он крякнул и даже причмокнул.

— Понимаю, понимаю! — Лев саркастично усмехнулся. — Догадываюсь, как именно ты ее «расколол». Сценарий обычный? Ну,

там, кафе или ресторан, комплименты, вино, и... И — так далее. Угадал?

— Гм... — Стас конфузливо наморщил нос. — Вот чертяка дотошный! Не совсем угадал, но почти. Видишь ли, «и так далее» — ладно уж, врать не буду! — место быть имело. Но не с ней, а с любовницей Торканова.

— Что, что, что-о-о?! — недоуменно помотав головой, Гуров прищурился, испытующе глядя на приятеля. — С горемычной, безутешной «вдовой-заочницей»? Да-а-а... Поневоле согласишься с классиком: «О, женщины! Вам имя — вероломство!..»

— Вообще-то, — Крячко со значением вскинул вверх указательный палец, — когда я ее разыскал, она и в самом деле была и горемычной, и безутешной. Оказывается, Торканов погиб у нее прямо на глазах. Она два дня пребывала в шоковом состоянии, даже есть ничего не могла. Когда я понял, что поговорить с ней не получится, то тогда — да! — убедил сходить в ближайший ресторанчик: есть там такое симпатичное, цивильное заведение. Ну, «навешал» ей «лапши», типа, надо быть на людях, а то, не ровен час, и умом повредиться недолго...

Как далее поведал Стас, самое трудное было уговорить девушку сделать первый глоток вина. Ну а потом «все пошло как по маслу». Он ее пригласил на танец, потом они выпили еще раз, и еще... В какой-то

момент, во время танца, она вдруг шепнула ему на ухо:

— А может, поедем ко мне?..

...Завершая эту тему, Крячко отметил:

— Вот, после того как у нее дома случилось это самое «и так далее», она окончательно пришла в себя и рассказала все, как было. Даже нашла у себя в сумочке упаковку из-под таблеток. Получилось-то как? Когда он врезался в землю, она от такого шока впадала в ступор и чисто механически подобрала предмет, которого касалась рука ее, так сказать, любимого мужчины. В тот момент она не могла ни плакать, ни кричать... Просто тупо смотрела на то, как вокруг горящих останков самолетика суетятся пожарные и спасатели. Вот и вся тайна гибели магната Торканова. Как говорится: а ларчик просто открывался. Вас, сэ-э-эр, такой ответ удовлетворил?

— Безусловно! — Лев изобразил благосклонный кивок. — В этом смысле — мой полнейший «одобрямс», правда, за вычетом некоторых несущественных деталей. Ну, ты догадываешься, о чем идет речь.

— Догадываюсь, догадываюсь... — Станислав повторил рукой жест Леонида Ильича, приветствующего первомайскую демонстрацию. — Слушай, я вот о чем сейчас подумал... Ну, насчет звонка Амбара. Вообще-то, если разобраться, то золотая ложка на

кону у картежников в воровском притоне — это, конечно, круто. Но тут возникает такой вопрос... Если тот лошара так легко с ней расстался, то почему бы не предположить, что она у него не одна?

— Вот и я о том же... — Гуров негромко рассмеялся. — Уверен, что за этим что-то кроется, и очень серьезное.

Задумчиво хмыкнув, Стас спросил, указав взглядом на его компьютер:

— А ты сейчас, я так понял, смотришь сводки по кражам?

— Да... Вдруг что-нибудь дельное по этому случаю вынырнет? — Лев неопределенно двинул плечами. — Но это так, на всякий случай. Сейчас думаю Жаворонкова загрузить — у него это лучше получается. Хакер, он и есть хакер. Пусть проработает и кражи, и грабежи, и разбои, связанные с хищениями изделий из драгметаллов. Кстати... А ведь нам с тобой сейчас по времени пора бы уже к Петрухе на утреннее «рандеву». Что-то он, блин, не звонит... Не прихворнул ли?

В этот же самый момент, как бы откликаясь на его последние слова, внезапно запыликал телефон внутренней связи. Вскинув большой палец, Стас рассмеялся.

— Класс! Вот и не верь в телепатию... — прокомментировал он.

Это и в самом деле был Орлов. Спросив, на месте ли Крячко, генерал тоном боцма-

на, орущего «Свистать всех наверх!», распорядился:

— Давайте-ка оба ко мне!..

— Ты, я так понял, рассчитывал на выходные? — Положив трубку, Лев изучающе взглянул на приятеля. — Забудь! Ой, чую, собирается Петруха втюхать нам какого-нибудь крутяцкого «глухаря». Нет, нет, я не шучу! Ревел, ешкин кот, как мастодонт, которому прищемили... Гм... Хобот.

Судя по выражению лица Станислава, тот был ощутимо раздосадован услышанным.

— О, блин! — выдохнул он, поднимаясь из-за стола. — Неужто и в самом деле «глухаря» навялит? Сроду у нашего Петрухи «сюрпризы» — один другого круче! Ладно, пошли уж...

Проходя через приемную, они поздоровались с секретаршей генерала Верочкой. Указав взглядом на дверь кабинета своего босса, она изобразила утрированно-суровую гримасу, давая понять, что Орлов сегодня с утра «не в духах».

Тот и в самом деле выглядел ненамного веселее погорельца, которому объявили о том, что к нему в гости с минуты на минуту в довершение всех «везений» и «удач» приезжает еще и его «любимая» теща. Угрюмо ответив на приветствие приятелей, он поморщился как от зубной боли. Опустившись в кресла, опера молча переглянулись — что-

то и в самом деле Петруху «торкнуло» не на шутку.

— Что там у тебя стряслось-то? — выдержав паузу, негромко спросил Гуров. — Надеюсь, с семьей все в порядке?

— Да дачу у меня обокрали какие-то уроды! — сердито выдохнул Орлов. — Под утро охрана позвонила, дескать, мы и сами не знаем, как такое могло произойти. Бездельники чертовы! Самое интересное, они не знают, когда именно это случилось — вчера, позавчера или, может быть, даже еще раньше.

Изобразив сочувственную мину, Стас убежденно объявил:

— Ничего! Мы слевой эту шушеру быстро разыщем! Как думаешь? — Он вопросительно мотнул головой в сторону Льва.

— Не вопрос! — уверенно подтвердил тот.

Однако Петра их оптимизм почему-то не обрадовал. Генерал лишь саркастично усмехнулся и сокрушенно покачал головой.

— Нет, нет, мужики, этот вариант отпадает... — обронил он с грустью в голосе. — Кого-нибудь из стажеров пошлю. А вам... Вам, други мои, персональная работа. Дело-то тут вот какое. Сегодня утром в коттеджном поселке Миллениум, в своем загородном доме, без признаков жизни был найден Аркадий Мартыняхин — хозяин сети ювелирных и антикварных магазинов «Золотой дублон». Мне из министерства только что

позвонили, дали на этот счет персональное распоряжение.

— А что это они так резко разволновались? — с сомнением в голосе поинтересовался Крячко. — «Без признаков жизни» — это еще не значит, что он обязательно кем-то убит. Ему сколько было?

— Пятьдесят два... — с задумчивостью в голосе ответил Петр. — А то, что в министерстве так «разволновались», — дело объяснимое. Этот Мартыняхин в коммерческих и финансовых кругах, в том числе и зарубежных, личность известная. Он член каких-то там советов, комитетов, лиг и ассоциаций. Думаю, уже сегодня мировые СМИ начнут причитать на все лады «о причастности российских властей к кончине видного представителя либеральной оппозиции». Ч-черт! Тут еще с Торкановым не расхлебались, а уже новый «сюрприз». Надеюсь, Стас хотя бы сегодня завтра с ним разберется, и...

— Уже! — бесцеремонно перебивая друга-начальника, откликнулся Крячко. — Есть стопроцентно надежный свидетель, который подтвердил, что смерть Торканова — несчастный случай из-за злоупотребления транквилизаторами. Сегодня к обеду отправлю бумаги в прокуратуру.

— Ух ты-ы! — В момент воспрянувший духом, Орлов наконец-то озарился улыбкой. — Молодец, Стас! Слушай, а почему

именно к обеду? Чего там расписывать-то семь верст до небес? В течение часа — кратенько, лаконично, без лишней «воды» — черкнул и сдал. И сразу же вместе слевой, не откладывая на потом, взялся за Мартыняхина. А? Как на это смотришь?

Скривившись, как от лимона, Станислав досадливо отмахнулся.

— Петро! А как же обещанные выходные? Ну, хотя бы сутки дал! — Он размашисто хлопнул себя ладонями по коленкам.

Вновь поскуцневший Петр потер подбородок и поинтересовался с упреком в голосе:

— Стас! А ты меня спроси, когда я последний раз брал выходные. А? Спроси! И я не отвечу, потому что не помню. Лев, что молчишь-то! Ты тоже давай заведи речь про выходные, премии, чины и награды. Ну, чтобы я был совсем «счастливым». Ну, что скажешь?

Как бы вернувшись к реальности из своих далеко убежавших мыслей, Гуров недоуменно переспросил:

— Чего-чего там тебе не хватает для полного счастья?

— Эх, Лева, Лева! — В голосе Орлова звучал безмерный укор. — Я всегда почему-то думал, что у нас один только Стас «спит в оглоблях». А тут, я гляжу, и ты витаешь где-то в облаках. Вот о чем ты сейчас мечтал?

Сдержанно улыбнувшись, Лев невозмутимо пояснил:

— Ну, например, о том, откуда домушник Кастет мог взять необычную, редкой ювелирной работы золотую чайную ложечку, которую в притоне Амбара он проиграл в карты фармазону Твисту.

Несколько ошарашенный услышанным, Петр, хлопая глазами, несколько мгновений молча смотрел в его сторону.

— А подробнее можно? Откуда такая информация? — подозрительно прищурился он. — Амбар, что ль, позвонил?

Выслушав рассказ Гурова с выражением напряженной задумчивости, Орлов некоторое время молчал, после чего развел руками.

— Понимаю, что случай весьма занятный и расследовать его стоило бы, но... Но у нас на сегодня вопрос номер один — выяснение причин смерти торгового магната Мартыняхина. И этим займетесь вы. А провести проверку информации, переданной Бородинным, я поручу... Ммм... Нашему новому стажеру — капитану Сильченко.

— А он Амбара не подставит? — В голосе Льва сквозили нотки недоверчивости.

Петр на это упреждающе махнул рукой.

— Сейчас пришлю его к вам, ты сам на него глянешь и решишь — доверять ему такое дело или нет. Твое решение будет окончательным. Устраивает?

— Вполне, — кивнул Гуров. — Ладно, беремся. Посмотрим, что там с этим бедолагой-магнатом Мартыняхиным стряслось. Ну, что, Стас, идем к себе?

— Да уж, пошли уж!.. — засопев носом, горемычно откликнулся тот.

По пути в свой кабинет Лев завернул к информационщикам. Капитан Жаворонков сидел у компьютера, бегая пальцами по клавиатуре. Судя по всему, он выполнял чье-то срочное задание. Выяснив, что примерно через час тот будет свободен, Гуров поручил ему набрать максимум информации об Аркадии Мартыняхине и его «Золотом дублоне». Кроме того, в порядке внеплановой работы попросил найти в сводках о грабежах и кражах такой объект хищения, как редкостной ювелирной работы золотая чайная ложечка.

Когда Лев вошел к себе, Стас в этот момент с кем-то общался по городскому телефону:

— ...Да, Лерочка, да! Буду обязательно! — интригуяще приглушив голос, с нотками игривости пообещал он своей собеседнице.

Увидев Гурова, Станислав скороговоркой попрощался и торопливо положил трубку. Глядя на приятеля, Лев не мог не рассмеяться — глаза Стаса маслились, как у кота, принюхивающегося к большому-большому куску сала.

— Лерочка — это та самая, «безутешная»? — спросил Лев внешне вроде бы нейтрально, но с заметной долей иронии.

— Ну, предположим... — Крячко с независимым видом пожал плечами. — И что из этого?

— Да ничего особенного... — все так же нейтрально произнес Гуров, садясь за свой стол. — Если не считать ма-а-а-ленького пу-стячка: на работе надо думать о работе.

— Х-ха! — язвительно парировал Стас, сопроводив это междометие пренебрежительным взмахом руки. — А то я о ней не думаю... Уже и во сне ее вижу, японский городской!

Включая компьютер, Лев отметил с нарочитой многозначительностью:

— Ну, если уснуть в рабочем кабинете, как это иногда случается с одним из моих друзей, то что еще, кроме работы, может присниться?..

— Лева, хватит язвить! Не так уж часто я тут и дрыхну. Ты мне лучше вот что скажи. С какого боку думаешь подбираться к нашей сегодняшней теме?

— О, это трудный вопрос... — Лев сокрушенно покачал головой. — Мне этот случай чем-то напоминает наше недавнее расследование по антиквару Зубильскому. Тот ведь тоже, если помнишь, представился при не вполне понятных обстоятельствах. Вот

и здесь что-то похожее — ничего вразумительного, одни намеки и многоточия. Ладно, поедем в Миллениум, на месте определимся.

В этот момент к ним кто-то осторожно постучался, и в кабинет вошел рослый капитан лет тридцати. Поздоровавшись, гость представился:

— Капитан Сильченко, звать Борисом, прибыл на стажировку из Самары. Стаж в угрозыске — три года. Мне сказали, что я должен получить у вас инструктаж по порученному мне расследованию.

Предложив капитану сесть на свободный стул, Гуров поинтересовался, что тот сам думает о предстоящей работе.

— ...В моей практике что-то похожее уже было, — пояснил Сильченко, вкратце изложив свою точку зрения по поводу предстоящего расследования. — Ломиться напрямую здесь, конечно, нельзя ни в коем случае — есть риск «засветить» ценного информатора. Поэтому я думаю начать с того, что изучу «послужной список» и Кастета, и Твиста, а также сводки о кражах за последние дни. Исходя из этого, надо будет придумать маневр прикрытия, позволяющий и их обоих задержать на законных основаниях, и избежать подозрений в адрес информатора. Думаю для этого задействовать участковых по их месту жительства. Повод? Ну, предположительно — жалоба соседей или там нападе-

ние на них самих каких-нибудь «отмороженных гопников»...

Выслушав капитана, Лев одобрительно улыбнулся. Этот опер свое дело знал неплохо да и соображалкой обделен не был.

— Хорошо, Борис, приступай! — в заключение резюмировал он. — Будем на связи.

...Час спустя Крячко наконец-то закончил со всеми положенными бумажными процедурами по мелкомасштабной авиакатастрофе с участием авиамагната Торканова. Гуров к этому моменту успел «перелопатить» уйму интернет-материалов, разыскивая информацию по «Золотому дублону» и Аркадию Мартыняхину (что его удивило — «накопать» удалось не так уж и много). В нескольких словах, окончательно определившись с планами на предстоящий день, приятели почти сразу же отправились в Миллениум. Для поездки взяли служебную «Волгу». Уже не раз возивший их сержант Володька, с особым шоферским шиком и азартом руля по столычным улицам, вполголоса комментировал дорожную обстановку:

— ...Ну, что за водилы пошли? Из какого дурдома сбежали?! Ну, вот этот баран — куда, куда он лезет? — Резко ударив по тормозам, Володька быстро ушел вправо, уворачиваясь от белой «Ауди», которая едва не притерлась к ним с правого бока. — Затупок безголовый!

Правила движения сначала выучи, а уже потом на дорогу лезь! — крикнул он в окно хозяину «немки» — мордастому брюнету в рубашке пышного, женственного фасона.

Тот, недовольно скривив рот, сделал вид, будто ничего не услышал.

— Да, какой-то напряженный день... — согласился Станислав, покосившись в сторону брюнета. — Мне тоже, пока ехал на работу, от двоих раздолбаев пришлось уворачиваться. Может, сегодня с утра какая-нибудь магнитная буря разгулялась? Кстати, Лев Иванович, поделился бы информацией по Мартыняхину. Что там на просторах Интернета народ гутарит?

Гуров в ответ поморщился и развел руками.

— Информации о нем мизер. В основном сообщения пары информагентств о его кончине. Как уверяют СМИ, чего-то такого, что говорило бы о его близящейся кончине, не замечали даже родственники. Кстати! Обрати внимание на их оперативность: мужик только умер, а в Интернете уже появилось сообщение!

— Ну, это их хлеб! — со знающим видом констатировал Крячко. — Это и все, что они сообщили?

— Нет, почему же? Днем он провел большое производственное совещание. В Милле-
■ ниум прибыл ближе к вечеру, причем в наи-

лучшем расположении духа. Правда, часу в девятом у него вдруг очень крепко прихватило сердце. Жена даже собиралась вызвать врача. Но ему полегчало, и он дал медицине отбой. А утром в седьмом часу жена забеспокоилась — что это он так долго спит? Подошла, а он уже начал коченеть... Ну, вызвала сотрудников местного райотдела, «Скорую»...

Громко фыркнув, Станислав возмущенно pokrutil головой.

— Ну и какого черта гнать нас в этот хренов Миллениум? Судя по всему, Мартыняхин «дал дуба» по причине хлипкого состояния своего сердца. Только и всего лишь!

— Между прочим, антиквар Зубильский умер тоже по причине острой сердечной недостаточности, — усмехнулся Лев, взглянув на приятеля. — И кто-то из нас двоих, если память не изменяет, упирался, что эта смерть — исключительно естественного порядка. Не припомнишь?

— Да, припоминаю, припоминаю... — Крячко изобразил энергичный жест рукой, каковой мог означать: «будь спок — до склероза мне еще далеко!» — Ну, понятное дело, тут в любой ситуации смело можно допустить, что всякий новопреставившийся — жертва чьего-то злого умысла. Но вот знаешь, что меня всегда раздражает? Эта егозливая, подобострастная суета, кстати, в том числе и кое-кого из нашего ведомст-

ва — ты догадываешься, о ком это я, вокруг кончины очередного толстосума.

— Да, догадываюсь... — усмехнулся Гуров, с ходу угадав намек в адрес Орлова.

— Иной раз появляется такое ощущение, будто нет в целом мире важнее задачи, чем уход в мир иной очередного магната! А потому мы обязаны бросать все сущее и, задирая штаны, спешить на полусогнутых, чтобы выказать ему свое почтение... Это вот обязательно сегодня надо было поднять по тревоге нас обоих, как будто других дел нет и быть не может? А-а-а! Дурдом полнейший...

Дослушав его спич с ироничной улыбкой, Лев ничего на это не ответил и лишь неопределенно пожал плечами. Глядя в окно, он смотрел, как их авто по виадуку перемахивает через вечно оживленный МКАД, как урбанистические пейзажи столицы постепенно сменяются ландшафтами Подмосковья. Сержант Володька, наконец-то пришедший в нормальное душевное равновесие («ишаки», «раздолбаи», «козлы», «бараны» и прочие нарушители дорожного движения остались где-то позади), неожиданно сообщил:

— Я про этот Миллениум уже не раз слышал много всякого и разного. Мой дядька по матери — его зовут Василий Васильич — строил этот поселок. Он каменщик, как говорится, «от бога». Сейчас мужик уже на пенсии, но покоя ему нет и поныне. Без

конца прут заказчики, чтобы именно он выкладывал им фасады домов, там, ограждения. Вот... Он мне и рассказывал, как Миллениум строили и кто там поселился.

— Ну и как же его строили? — с ходу заинтересовался Станислав.

С выражением насмешливого ухарства Володька рассказал о том, что изначально этот поселок должны были строить рядом с селом Трубное. Почему оно зовется Трубное? Да потому, что там с давних пор пошла мода на зависть всей округе выводить над крышей печные дымоходы особым, фасонистым образом. Кто-то выкладывал трубу необычной, фигурной кладкой, кто-то обрамлял ее затейливым коробом из цинкованного железа, например, в форме корабля или паровоза, а кто-то водружал над ней немислимо замысловатый флюгер или целую скульптурную композицию.

Казалось бы, и места там красивые, и территория экологически чистая, однако главному заказчику не понравилось в первую очередь то, что с «блаародными господами» будут соседствовать «заурядные простолюдины». И кому какое дело, что большая часть этих «господ» возвысилась исключительно за счет собственной низости? Кто-то нажил свое состояние рэкетом, кто-то — мошенническими аферами, кто-то — хапая взятки или запуская руку в государственный карман... ■

Главное — сейчас они ворочали колоссальными деньгами, а потому были выше и закона, и морали.

Исходя из этого, Миллениум построили на холме у речки Вишневки, равноудаленным от ближайших сел. Разумеется, это не могло не отразиться на цене земельных участков и квадратных метров будущего жилья. К новостройке пришлось тянуть асфальт, линию электропередачи, газопровод... Но что значила пара лишних миллионов для тех, кто ворочал порой миллиардами?

Даже водопровод к новостройке пришлось вести почти от самого Трубного. Это село тоже стоит на берегу Вишневки. Но в его округе водоносные пласты содержат воду невероятно вкусную, по сути родниковую, а вот под Миллениумом вода почему-то имеет какой-то неприятный, затхлый привкус. Ее надумали было использовать хотя бы для технических целей, например полива зеленых насаждений, клумб и газонов, однако она и для этого не сгодилась. Политые ею деревья отчего-то начинали усыхать, цветы и трава вянуть, хотя самый придиричивый химанализ не нашел в ней чего-то вредного.

— Прямо как в сказке про живую и мертвую воду! — слушая сержанта, отметил Станислав.

— Между прочим, Василий Васильич того же мнения, — Володька многозначи-

тельно взглянул в его сторону. — Там у них был такой занятный случай... Когда они вокруг поселка возводили ограждение — а его с фасада строили на манер Кремлевской стены — с зубцами и башенками, к ним подходил какой-то непонятный мужик. На вид — лет пятидесяти, с бородой, жилистый такой, взгляд пронизывающий... Одет по-обычному. Поздоровался он с ними, посмотрел на их работу и сказал, что зря они на этом месте надумали строить жилье. Вроде того, что люди будут там не жить, а бедовать.

— Это что же, какой-нибудь местный колдун или знахарь? — поинтересовался Гуров.

— Чего не знаю, того не знаю... — сержант пожал плечами. — Так вот, этот их разговор услышал прораб. А ему-то неинтересно, чтобы кто-то делал новостройке такую «рекламу». Он напер на мужика: проваливай давай отсюда. Тот молча ушел, ни слова не говоря. Вот поселок построили — его еще во время строительства для прикола назвали «Приют бедняков», в коттеджи начали заселяться их хозяева. И что бы вы думали? Началась какая-то чертовщина. То один заболел, то другой умрет. Тогда в центре Миллениума бегом, бегом построили церковь. Батюшка провел крестный ход, ну и после этого вроде бы все начало «устаканиваться». Такая вот история...

— Ну а про тамошних новоселов что ты там собирався рассказать? — напомнил Станислав. — Кстати, а почему поселок назвали Миллениумом?

— Миллениумом? Так потому, что строить-то его начали в двухтысячном! — Володька изобразил иронично-многозначительную мину. — Видимо, решили закрепить в названии символизм момента. Вот... А напарником Василия Васильича работал бывший опер.

— Это с чего бы вдруг так? — Лев удивленно наморщил лоб. — Сам, что ль, подался в строители или его за что-то из органов турнули?

Посерьезнев, сержант утвердительно кивнул:

— Выгнали... Но не за что-то плохое. Нет! Как это частенько у нас бывает, за честность и принципиальность.

По словам Володьки, тот опер расследовал ДТП с человеческими жертвами — пьяный негодяй на «Лексусе» задавил женщину с ребенком прямо на пешеходном переходе. Опер вычислил в момент. Оказалось, это сынок одного очень большого «шишкаря». А гаишники, которым, судя по всему, хорошо «подмазали», к тому моменту уже состряпали протокол, будто погибшая виновата во всем сама.

Однако опер, которого зовут Евгений, что называется, уперся, отказался от предложен-

ных ему денег и, как подобает, провел полное расследование. Он доказал вину того недоросля, и аварийщик получил срок. Правда, дали ему всего два года ИТК общего режима. Но и это тут же самым негативным образом сказалось на судьбе «излишне» принципиального опера. На него тут же посыпались всевозможные шишки — сорвалось присвоение очередного звания, началось лишение премий за каждую мелочь, пошли постоянные разносы, придирки...

Кончилось тем, что какая-то наемная шлюшка накатила на него «телегу», будто он пытался ее изнаsilовать. Евгения сразу же, даже не проведя положенной служебной проверки, кинули в СИЗО. Началось следствие. Дело пахло реальным сроком, но, как видно, и у него где-то в верхах нашлись свои сторонники. Поэтому через несколько дней оперу предложили: или он увольняется по собственному, или садится по «грязной» статье. Понимая, что на него «наехали» структуры очень не слабые, он согласился уволиться...

— А когда это было? — Гуров вопросительно взглянул на сержанта.

— Да еще году в девяносто девятом. Я тогда еще только в пятый класс ходил, — хохотнул Володька.

Как далее он поведал, Миллениум начал заселяться «с колеса», еще когда только строился. Как-то Евгений вел кладку на пару ■

с Васильичем, возводя очередной дворец, а в соседний, уже готовый дом в этот момент въезжали жильцы.

Лишь мельком взглянув на новосела, бывший опер схватился за голову. Он узнал в нем того самого мошенника, который во времена ваучерной приватизации облапошил сотни (если не тысячи!) человек, за фальшивые доллары скупая у них ваучеры, которые потом менял на акции «Россвязи». Как видно, жулик хорошо знал, что это ведомство — не какие-нибудь фальшивые «нефтьалмазинвесты».

К концу девяностых ее бумаги в цене подпрыгнули столь высоко, что этот жулик в момент стал долларовым миллионером. Евгений за время своей работы его задерживал дважды. И за ваучеры — он тогда еще только начал работать после школы милиции, и в девяносто седьмом за махинации при обмене старых денег на новые. Но толку с этого было мало. По неведомым причинам суды его оправдывали, что называется, «с порога». Как видно, у этого мошенника все и везде было куплено.

— Ну а что удивляться? Сказал же кто-то из классиков: в основе любого состояния лежит преступление... — философично изрек Крячко. — Ты, я так понял, с этим Евгением хорошо знаком?

— Ну, в общем-то, да, — сержант утвердительно кивнул. — Скажем так, по-родст-

венному. Он зять Васильича. Его когда с работы выперли, жена сразу же к другому ушла. Вышла за торгаша, и они уехали в Финляндию. А Женька однажды шел вечером и увидел, как трое отморозков напали на девушку. Ну, он их в момент уделал, как щенков. Проводил ее до дому. А через месяц они пожеглись. Ну, вот, так он и стал у Васильича напарником.

— Его телефончик дай — вдруг он что-нибудь про этого Мартыняхина знает? — попросил Станислав.

— Не вопрос! — Володька двинул вверх левым плечом. — Кстати! Минут через пять подъезжаем к Пятницкому — тутошний район-центр. Заезжать будем?

— Да надо бы заехать... — лаконично определил Лев, взглянув на часы. — Пообщаемся с коллегами. Думаю, из Миллениума они уже должны бы вернуться. Знаешь, где тут райотдел?

— Честно говоря, не в курсе... — чуть смущенно признался сержант.

— Понятно... Значит, сейчас едем прямо, до городской площади, а там сразу направо, — глядя на приближающиеся пятиэтажки, пояснил Гуров.

Подпрыгнув на люке какой-то коммуникационной шахты, «Волга» побежала по городской улице с какой-то неуловимой печатью провинциальности.